

DOI: 10.18572/2687-0339-2022-4-28-41

«Одноэтажная Америка» ИльфПетрова — два почерка одного писателя

П.А. Мамышева,

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: p.a.mamysheva@gmail.com

В статье атрибутируются главы путевого очерка И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка». 20 глав книги написал Ильф, 20 — Петров, 7 соавторы написали вместе. До сих пор оставалось неясным, кому из писателей принадлежит какая глава и что было написано сообща. Путевые очерки сопоставляются с «американскими» дневниками Ильфа и письмами Ильфа и Петрова из США в СССР. Анализ их стиля и содержания позволяет определить авторство большинства глав травелога и уточнить атрибутирование, предложенное Л.М. Яновской.

Ключевые слова: И. Ильф и Е. Петров, «Одноэтажная Америка», травелог, дневник, текстология.

«Смотрите, с вами обязательно произойдет недоразумение. Ведь вы всегда пишете вдвоем, так что формально вы не два писателя, и один. Вот вас и зачислят на довольствие как одного человека» [Ильф 2021: 201], — говорил Ильфу и Петрову знакомый художник.

Его слова оказались пророческими: до сих пор творческий союз «загадочной еврейской души» и «загадочной славянской души» воспринимается как один писатель — ИльфПетров.

Только одного не предвидел проницательный художник. Не все свои тексты Ильф и Петров написали вместе.

Работу над «Одноэтажной Америкой» Петров описал так: «Это было первое произведение, которое мы сочиняли порознь — двадцать глав написал Ильф, двадцать глав написал я, и семь глав мы написали вместе, по старому способу» [Воспоминания об И. Ильфе и Е. Петрове 1963: 12].

В США соавторы поехали в 1935 году. 7 октября на пароходе «Нормандия» они прибыли в Нью-Йорк. Взяв в аренду «форд» и найдя проводника (мистера Трона, который в травелоге превратился в мистера Адамса), они дважды пересекли Америку из конца в конец.

Работа над травелогом началась еще в путешествии: 24 ноября 1935 г. в «Правде» печатается первый очерк Ильфа и Петрова о США — «Дорога в Нью-Йорк». «Одноэтажная Америка» была закончена летом 1936 г. и опубликована в журнале «Знамя» (№ 10, 11). Ильф печатал главы на машинке, Петров — писал от руки. При этом травелог невозможно разделить на части без специального исследования. Книга получилась цельной: в каждой главе чувствуется присутствие обоих авторов.

Ю. Олеша много лет дружил с Ильфом (они познакомились в 1920 г.) и знал его стиль. В очерке «Об Ильфе» он привел отрывок из «Одноэтажной Америки», в котором, по его мнению, ярко проявлялся взгляд его друга на жизнь [Воспоминания об И. Ильфе и Е. Петрове 1963: 32–33]. Олеша считал, что цитирует Ильфа, но глава «Негры», о которой он говорил, была написана Петровым.

Мы взяли на себя смелость сделать то, что не удалось даже близкому другу Ильфа: определить, какие главы «Одноэтажной Америки» принадлежат Ильфу, какие — Петрову, а какие были написаны ими вместе.

Решение этой задачи кажется нам важным по следующей причине.

Дневники Ильфа относятся к документальному жанру, в то время как получившийся травелог — это сплав художественного, документального и публицистического жанров. Средства, с помощью которых произошла трансформация одного жанра в синтез нескольких, пока не были найдены. Атрибутирование глав «Одноэтажной Америки» может облегчить поиск этих средств.

Для распределения глав по авторам мы привлекали не только дневники Ильфа, но и письма, которые Ильф и Петров писали женам во время путешествия. В «Одноэтажную Америку» из дневников и писем перешли эпитеты, сравнения и ироничные замечания об американской жизни.

Исследователи уже предпринимали попытку указать авторов некоторых глав.

Так, Л.М. Яновская считала, что «в основном Е. Петровым были написаны главы: “Аппетит уходит во время еды”, “Америку нельзя заставить врасплох”, “Лучшие в мире музыканты” (неудивительно: Е. Петров был прекрасно музыкально образован), “День несчастий”, “Пустыня”, “Юный баптист”. Главным образом Ильфу принадлежат главы: “На автомобильной дороге”, “Маленький город”, “Солдат морской пехоты”, “Встреча с индейцами”, “Молитесь, взвешивайтесь и платите”. А к написанным вместе можно отнести главы: “Нормандия”, “Вечер в Нью-Йорке”, “Большой маленький город”, “Американская демократия» [Яновская 1969: 27–28].

При атрибутировании глав Яновская опиралась на архив. Она указывала, что «около половины глав в сохранившейся рукописи книги написаны почерком Петрова. Остальные — на машинке, той самой приобретенной в Америке машинке с характерным мелким шрифтом, на которых отпечатаны и записные книжки Ильфа последних лет. Этим главам несколько больше половины, по-видимому, потому, что некоторые из них писались сообща» [Яновская 1969: 27].

Мы не во всем согласны с Л.М. Яновской. У нас есть доказательства того, что

глава «День несчастий», скорее всего, была написана Ильфом. Сложности также возникают с авторством главы «Пустыня», о чём подробнее будет сказано ниже.

Общие главы, по мнению Яновской, «соответствуют семи очеркам о поездке, печатавшимся в “Правде”» [Яновская 1969: 27]. Следовательно, кроме глав, перечисленных Яновской, совместно были написаны главы «Пустыня», «Капитан Икс» и «Четыре стандарта»: им соответствуют очерки, опубликованные в главной газете СССР 5 января, 18 октября и 5 сентября 1936 года.

В некоторых главах встречаются цитаты как из дневников Ильфа, так и из писем соавторов к женам. Это тоже подтверждает, что писатели работали над главой сообща. Например, рассказывая жене о Голливуде, Ильф обращает внимание на одни детали, а Петров — на другие. Многие описания перейдут в главу про Голливуд.

Ильф пишет Марии Николаевне, что в Голливуде «ослепительный свет, но впечатление, что светит не солнце, а какая-то **горячая луна**» [Ильф, Петров 2020: 473]. Этот оборот перейдет в главу «Четыре стандарта»: «В солнце нет ничего солнечного, оно похоже на **горячую луну**, хотя и греет очень сильно» [Ильф, Петров 2020: 313].

Петров тоже упоминает странное голливудское солнце, но его удивляет другое: «Сильное, резкое солнце. Поэтому — **резкие тени**. <...> Сбивающая с ног вонь от **бензинового перегара**» [Ильф, Петров 2020: 474].

Эта характеристика Голливуда дополняет впечатления Ильфа и тоже включается в очерк об Америке: «**Плотные черные тени** падали на асфальтовую землю. <...> В воздухе всё время ощущается какая-то болезненная сухость, и **запах отработанного бензина**, пропитавшего город, несносен» [Ильф, Петров 2020: 313].

Из письма к Марии Николаевне в первую главу травелога («Нормандия») также переходит ключевое впечатление Ильфа от парохода, на котором писатели

прибыли в Нью-Йорк. Ильф пишет жене: «В шторм она [«Нормандия» — П.М.] еще похожа на пароход, по крайней мере качает. А в тихую погоду это просто громадная гостиница с роскошным видом на море» [Ильф, Петров 2020: 422]. В «Одноэтажной Америке» этот фрагмент письма приводится с минимальными изменениями: «И вообще «Нормандия» похожа на пароход только в шторм — тогда ее хоть немного качает. А в тихую погоду — это колоссальная гостиница с роскошным видом на море» [Ильф, Петров 2020: 14].

С письмом Петрова к Валентине Леонтьевне первая глава не перекликается дословно (хотя он довольно подробно рассказывает жене о «Нормандии»), но в нем встречается упоминание о будущем очерке для газеты: «Мы, вероятно, напишем в “Правду” о пароходе, и ты прочтешь более подробное описание» [Ильф, Петров 2020: 426].

Говоря о первой главе, нельзя не сказать о важном изменении, которое происходило с дневниковыми записями Ильфа при переносе их в книгу. Так, 7 октября Ильф записывает: «Вчера на концерте я был свидетелем неслыханного позора некрасивой девушки в серебряном платье. При **оскорбительных усмешках** она пела «Parlez-moi d’amour», **ужасно. И некрасива она просто сверхъестественно**» [Ильф 2000: 426]. В «Одноэтажной Америке» та же ситуация описана совершенно иначе: «Потушили свет и навели прожектор на маленькую эстраду, куда, дрожа всем телом, вышла **изможденная девица** в серебряном платье. Оркестр, составленный из профессионалов, смотрел на нее с жалостью. Публика **поощрительно заплодировала**. Девица конвульсивно открыла рот и сразу же его закрыла. Оркестр терпеливо повторил интродукцию. В предчувствии чего-то ужасного, зрители старались не смотреть друг на друга. Вдруг девица вздрогнула и запела. Она пела известную песенку “Говорите мне о любви”, но так **тихо и плохо**, что нежный призыв никем не был услышан. В середине песни девица неожиданно убежала с эстра-

ды, закрыв лицо руками» [Ильф, Петров 2020: 19].

Эпизод, который в дневнике Ильфа был описан как негативный, в травелогге приобрел комичный характер и превратился в смешную историю.

Надо признать, что дословные совпадения с текстом писем или дневника не всегда помогают установить авторство главы. Например, события, описанные в главе «Американская демократия», упоминаются как в дневнике Ильфа, так и в письмах к Марии Николаевне и Валентине Леонтьевне. При этом в травелогге нет ни одной явной цитаты ни из писем, ни из дневника.

В таких случаях для атрибутирования главы мы обращались к публикациям «Правды». Глава «Американская демократия» вышла отдельным очерком 18 июня 1936 г., поэтому, вероятно, была написана соавторами вместе.

Здесь, однако, появляется логическое противоречие.

Яновская, с одной стороны, пишет, что глава «Пустыня» была написана в основном Петровым [Яновская 1969: 28], а с другой стороны, говорит, что главы, написанные им в соавторстве с Ильфом, соответствуют очеркам в «Правде». При этом 5 января 1936 г. в газете вышел очерк, содержание которого почти полностью совпадает с содержанием главы «Пустыня».

Мы также склонны считать, что глава «Пустыня» принадлежит Петрову (несмотря на то, что она была напечатана в «Правде»), а совместно была написана глава «Беспокойная жизнь» (которая не была напечатана в газете).

В письме Петрова к жене встречаются замечания, косвенно связанные с содержанием главы «Пустыня». Писателя поражает местность, в которой он оказался. Он пишет Валентине Леонтьевне: «Попадаем в такие **места, где, безусловно, не ступала нога советского человека**» [Ильф, Петров 2020: 459]. В двадцать пятой главе травелога сказано: «Край, в который мы заехали, **был совершенно глух и дик**» [Ильф, Петров 2020: 217].

Петров обращает внимание на погодные условия, в которых приходится путешествовать. «Последние два дня были тяжеловаты — шел **то снег, то дождь**, дорога была трудная», — сетует он в письме от 26 ноября [Ильф, Петров 2020: 459]. Через два дня он напишет Валентине Леонтьевне: «После **дождей, снега и прочего** — чудное солнце, синее небо, скалы, иней и вообще — неслыханные красоты» [Ильф, Петров 2020: 460].

В «Одноэтажной Америке» читаем: «Мы весело катили по пустыне, совершенно забыв о вчерашних ужасах. Уже казалось невероятным, что **на свете существуют грязь, снег, холод**» [Ильф, Петров 2020: 219].

Разумеется, о дожде, снеге и холоде мог написать и Ильф, но нам кажется важным, что именно Петров обратил на них внимание в письмах к жене. Ильф упоминает плохую погоду в письме от 26 ноября, но содержание этого письма явно соотносится с главой «День несчастий» и к главе «Пустыня» отношения не имеет. Ильф пишет жене о разноцветной пустыне. К письму он прикладывает фотографию: «...на фотографии — окаменевшие деревья. Понадобилось только **70 миллионов лет, и деревья превратились в разноцветный мрамор**» [Ильф, Петров 2020: 459].

Нам кажется, что косвенным доказательством авторства главы «Пустыня» может служить то, что в «Одноэтажной Америке» о тех же самых деталях сказано по-другому: «На этом месте **несколько десятков миллионов лет** тому назад рос лес. <...> Деревья приобрели **твердость мрамора**» [Ильф, Петров 2020: 220]. Вероятно, если бы главу писал Ильф, из письма в травелог перешло бы указание и на точное количество лет, и на сходство деревьев с разноцветным мрамором. Однако в книге конкретное число лет не называется, а сравнение с мрамором указывает на прочность деревьев, но не на цвет.

Обратимся теперь к главе «Беспокойная жизнь». Эта глава не была напечатана отдельным очерком в «Правде», и нам не удалось найти в ней дословных совпа-

дений с дневником Ильфа или с письмами авторов домой. Однако содержание главы, на наш взгляд, говорит о том, что она была написана совместно: маловероятно, что итоги поездки по США кто-то из соавторов подводил в одиночку.

Вернемся к главе «День несчастий», в атрибутировании которой мы не можем согласиться с Л.М. Яновской.

В главе встречаются точные цитаты из дневника Ильфа.

26 ноября Ильф записывает: «**Выехали из Альбукерке в ужасное утро**. Красивые долины, тотем, монастыри, миссии — всё залито серой водой. Чудный просвет зеленого неба среди ужасной хмари. Дождь прекратился, стали подниматься и вышли на **громадное плато**. Растаявший снег, вода. **Светло и холодно, как весной**» [Ильф 2000: 456].

В травелог очередной день путешествия описан так: «**Мы выезжали из Альбукерке в ужасное утро**. Красивые глинобитные домики, <...> монастыри, аптеки, старинные испанские миссии <...> — всё было залито серой дождевой водой. <...> Вдруг среди ужасной хмари появился **чудный просвет зеленого неба**. <...> Дождь прекратился, и выглянуло солнце. <...> Подымаясь всё выше, автомобиль выехал наконец **на громадное плато**. Дорогу завалил **тающий снег** и лед. **Было светло и холодно, как весной**» [Ильф, Петров 2020: 210].

Одного этого фрагмента, на наш взгляд, хватило бы для доказательства того, что Ильф был если не единственным автором, то по крайней мере соавтором двадцать четвертой главы. Приведем, однако, еще две цитаты.

В тот же день, 26 ноября, Ильф отмечает в дневнике: «Джин в хижине. **Девушка с короткими рукавами, в брюках**» [Ильф 2000: 456].

В «Одноэтажной Америке» тезисная запись будет развернута до небольшого описания: «В самой высокой точке перевала оказалась полуразвалившаяся бревенчатая хижина с вывеской “Кафе-бар”. Там торговала **девушка в бриджах**,

сапогах и тонкой кофточке с короткими рукавами. <...> Мы выпили по стаканчику джина, согрелись и отправились в путь» [Ильф, Петров 2020: 211].

Мы не сомневаемся, что Петров тоже был в хижине «Кафе-бар», тоже пил джин и тоже видел девушку в бриджах. И при этом мы не сомневаемся, что Петров бы преобразовал увиденное в историю совершенно иначе, нежели Ильф.

Г.А. Жиличева писала: «...если Петров интерпретирует и рефлексировывает ситуацию видения, то Ильф воспроизводит само зрелище. <...> Тяготение Ильфа к колористической, а не к идеологической рефлексии коррелирует с его серьезным увлечением фотографией» [Жиличева 2018: 33].

На наш взгляд, в главе «День несчастий» материал трансформируется в нарратив способом, больше характерным для Ильфа, а не для Петрова.

Следовательно, есть два варианта атрибутирования главы: либо она была написана Ильфом и Петровым совместно, либо ее писал преимущественно Ильф. Поскольку главы, написанные соавторами вместе, могут быть указаны довольно точно (благодаря публикациям очерков в «Правде» и цитатам из писем обоих авторов), мы считаем, что глава «День несчастий» была написана Ильфом.

Перейдем к тем главам, которые не были атрибутированы Яновской.

Мы предполагаем, что в первой части книги Петрову принадлежат главы «Что можно увидеть из окна гостиницы», «Папа энд мама», «Мы покупаем автомобиль и уезжаем». Такой вывод мы делаем на основании того, что в дневнике Ильфа почти не упоминаются факты и эпизоды, описанные в этих главах.

Что касается писем Ильфа и Петрова к женам, то их содержание перекликается с событиями, о которых говорится в первых главах травелога, но точных совпадений с текстом путевых очерков в них нет.

Ильфу же, скорее всего, принадлежат две главы первой части: «Мы ищем ангела без крыльев» и «Электрический стул». В обоих можно найти совпадения с пись-

мами Ильфа к Марии Николаевне или с дневником. Так, переходит из письма в травелог основное впечатление, которое произвел на Ильфа Нью-Йорк (глава «Мы ищем ангела без крыльев»). В письме Марии Николаевне сказано: «Сейчас вечер, тепло, и в первый раз за все мои дни в Нью-Йорке идет маленький неслышный дождь. Но даже если бы была гроза с громом и молнией, то и ее было бы не слышно. Город сам гремит и сверкает почище любой бури. Это мучительный город, он заставляет всё время смотреть на себя, от этого города глаза болят» [Ильф, Петров 2020: 429].

В «Одноэтажной Америке» Ильф почти дословно повторяет свое письмо жене: «На улице падал маленький неслышный дождь. Но если бы даже была гроза с громом и молнией, то и ее не было бы слышно. Нью-Йорк сам гремит и сверкает почище всякой бури. Это мучительный город. Он заставляет все время смотреть на себя. От этого города глаза болят» [Ильф, Петров 2020: 51].

Рассказывая Марии Николаевне о посещении тюрьмы Синг-Синг, Ильф пишет: В остальном тюрьма очень культурная. <...> За исключением старого корпуса, построенного еще в 1825 году. Это уже **совсем султанско-константинопольская темница**» [Ильф, Петров 2020: 446].

Такое определение повторяется в главе «Электрический стул»: «— В новых корпусах, — сказал наш спутник, — помещается тысяча восемьсот человек. Остальные пятьсот находятся в старом здании, построенном сто лет тому назад. Пойдемте.

Вот это уже была настоящая **султанско-константинопольская тюрьма**» [Ильф, Петров 2020: 65].

Кроме того, 5 ноября 1935 г. Ильф записывает в дневнике фактические сведения о Синг-Синг, которые в главе будут развернуты в подробное описание тюрьмы: «5 ноября. <...> Сегодня еду в Синг-Синг. 2299 сидит: из них 15 казнить, 85 на всю жизнь. 200 м[ужчин] и 3 ж[енщины],

4 скамьи, умыв[альный] столик, верхний свет» [Ильф 2000: 442].

Во второй части травелога главы распределяются между авторами следующим образом.

Ильфу принадлежат главы «Электрический домик мистера Рипли», «Дирборн», «Генри Форд».

Записи от 29 октября и 11 ноября 1935 г. превращаются в «Одноэтажной Америке» в главу «Электрический домик мистера Рипли» способом, описанным Г.А. Жиличевой.

В дневнике Ильф записывает перечень предметов, виденных в домике: «Электрический домик мистера Риплей. Кухня. Приборы для тоста, для яиц, для нагревания еды, для охлаждения, нефтяная печка, вентиляция, кнопка, швейная машина, зажигалка» [Ильф 2000: 441]. В травелоге «перечень-конспект трансформируется в нарратив с помощью ответа на вопрос “что я запомнил?” и его модификаций» [Жиличева 2018: 31].

Похожим образом переходят из дневника Ильфа в книгу события 11–13 ноября, описанные в главе «Дирборн». Практически все эпизоды главы перечисляются в дневнике и потом переносятся в «Одноэтажную Америку», разворачиваясь в более подробные описания.

Разумеется, Петров был вместе с Ильфом на заводе Форда и видел примерно то же, что его соавтор, но некоторые факты, упомянутые в главе, не оставляют сомнений в том, что глава принадлежит Ильфу. Например, 11 ноября Ильф записывает: «В парикмахерской. **Серб, немец, еврей, родившийся в Иерусалиме**, и мадьяр, хваливший Б[елу] Куна» [Ильф 2000: 445]. В «Одноэтажной Америке» в слегка измененном виде встречается тот же факт: «В парикмахерской на Мичиган-авеню, где мы стриглись, один мастер был **серб, другой — испанец, третий — словак, а четвертый — еврей, родившийся в Иерусалиме**» [Ильф, Петров 2020: 132].

И 11, и 13 ноября Ильф замечает одну особенность фордовского завода: «Почему на “Дженерал Электрик” есть сто-

ловая для рабочих, а у Форда нет» [Ильф 2000: 444], «Прогулка по территории завода. Сборочный цех. **Рабочие завтракают на полу**» [Ильф 2000: 445].

Деталь, дважды бросившаяся в глаза писателю, конечно, переходит в книгу: «Сэры, — сказал мистер Адамс, внезапно оживившись, — вы знаете, почему у мистера Форда **рабочие завтракают на цементном полу**? Это очень, очень интересно, сэры. Мистеру Форду безразлично, как будет завтракать его рабочий» [Ильф, Петров 2020: 131].

Посещая 13 и 14 ноября завод Генри Форда, Ильф отмечает в дневнике яркие фразы и выражения, подробно описывает поведение Форда во время разговора и его взгляды на развитие промышленности. Всё это переходит в главу «Генри Форд» с минимальными изменениями. Дневник Ильфа: «В лаборатории Эдисона. <...> Сила, молодость Эдисона. **“Пишите только то, что вы думаете. Не для Англии, не для Франции, для всего мира”**. Горячий старик в шелковой ермолочке» [Ильф 2000: 445].

Путевые очерки: «Входящих в лабораторию встречал кудрявый старик с **горящими черными глазами**. На голове у него была **шелковая шапочка**, какую обычно носят академики. Он **с жаром** занялся нами. <...> Узнав, что мы писатели, старик вдруг стал серьезным. Он торжественно посмотрел на нас и сказал: **“Пишите только то, что вы думаете. Не для Англии, не для Франции, для всего мира”**» [Ильф, Петров 2020: 138].

В главу вошло и замечание мистера Камерона [секретаря Форда — *Л.М.*] о владельце завода: «Мистер Камерон сказал, что **мистер Форд циркулирует**» [Ильф 2000: 447], — записывает Ильф в дневнике и потом переносит эту фразу в травелог [Ильф, Петров 2020: 143].

Л.М. Яновская указывала, что глава «Лучшие в мире музыканты» была написана Петровым. Мы тоже так считаем, но не можем не остановиться на одной интересной детали — цвете «форда», который Ильф и Петров взяли в аренду для поездки

по США, авторы описывают диаметрально противоположным образом.

Рассказывая Марии Николаевне о путешествии, Ильф пишет, что он едет в новом «форде» «красивого серого цвета, то, что называется здесь — **цвет пушечного металла**» [Ильф, Петров 2020: 446].

Отношение его соавтора к выбранной машине сложно назвать уважительным. «Наш форд **мышинного цвета** <...> привез нас в царство самого Генри Форда» [Ильф, Петров 2020: 447], — делится с Валентиной Леонтьевной Петров.

В главе «Лучшие в мире музыканты» о временной потере машины говорится так: «Слушая рассказ мистера Адамса, мы пошли к отелю и тут, к величайшему нашему ужасу, не нашли автомобиля. Не было нашего чудного **мышинного кара**» [Ильф, Петров 2020: 159].

На наш взгляд, это показательная деталь. Она отчасти помогает атрибутировать и предыдущую, семнадцатую, главу — «Страшный город Чикаго».

В тексте есть несколько указаний на то, что автором главы, скорее всего, был Петров. Например, в письме Валентине Леонтьевне Петров пишет: «...мы водворились в отеле “Стивенс” — **самой большой гостинице в мире**» [Ильф, Петров 2020: 450]. В «Одноэтажной Америке» при описании «Стивенса» тоже будет подчеркнута эта особенность: «Судя по рекламному проспекту, это **был самый большой отель в мире**» [Ильф, Петров 2020: 149].

Ильф о размере гостиницы не упоминает ни в дневнике, ни в письме к Марии Николаевне — он указывает только, что в отеле «3 тысячи комнат» [Ильф 2000: 447].

Описывая студенческий бал в записи от 15 ноября, Ильф упоминает танцы и «оркестр на **лиловом** светящемся фоне» [Ильф 2000: 448]. В травелоге будет сказано, что «оркестр на сцене был залит **фиолетовым** светом» [Ильф, Петров 2020: 154]. Разница незначительная, но, если бы главу писал Ильф, он бы, вероятно, описал свет так же, как сделал это в дневнике.

Наконец, в главе «Страшный город Чикаго» (как и в главе «Лучшие в мире музы-

канты») опять упоминается цвет «форда», на котором писатели ездили по Америке: «И как только становилось темно, а наш **мышинный кар** проезжал по “резиденшел-парт” очередного маленького городка...» [Ильф, Петров 2020: 144].

Снова и снова — «**мышинный кар**», а не автомобиль «цвета пушечного металла».

Третья часть травелога была написана по преимуществу Ильфом (забегая вперед, скажем, что четвертую в основном взял на себя Петров). Петрову, скорее всего, принадлежат глава «На родине Марка Твена» и уже упомянутые главы «Пустыня» и «Юный баптист».

Такой вывод мы делаем на основании того, что содержание этих глав почти не отразилось в записях Ильфа. В дневнике есть краткие описания некоторых эпизодов, но нет характерных совпадений дневника (или писем Ильфа) с текстом травелога. Зато в главе «На родине Марка Твена» используется слово, характерное, скорее, для Петрова, чем для Ильфа.

Петров пишет Валентине Леонтьевне: «Это очень знаменитый городок. Здесь провел **детство** Марк Твен» [Ильф, Петров 2020: 452].

Ильф тоже рассказывал жене о доме-музее Марка Твена, но слово использовал другое: «Ганнибал — маленький город на Миссисипи, где Марк Твен провел свою **юность**» [Ильф, Петров 2020: 453].

Нам кажется, что в данном случае выбор лексики играет принципиальную роль: в девятнадцатой главе дважды отмечается, что Ганнибал — город, в котором «великий юморист Марк Твен провел свое **детство**» [Ильф, Петров 2020: 165].

В то же время о металлургическом заводе, который соавторы видели недалеко от Чикаго, в травелоге говорится теми же словами, что и в дневнике Ильфа. 15 ноября он делает короткую заметку: «Мрачное видение завода Гэри» [Ильф 2000: 447]. В «Одноэтажной Америке» читаем: «Незадолго до Чикаго, в дожде и тумане мы увидели мрачное видение металлургического завода Гери [sic!]» [Ильф, Петров 2020: 163].

Несмотря на это, мы все-таки считаем, что глава была написана Петровым, — по причине, упомянутой выше.

В главах третьей части, написанных Ильфом, есть дословные совпадения с его дневником и письмами.

В главе «Робертс и его жена» встречаются детали, которые Ильф упоминал в письмах к Марии Николаевне. 20 ноября Ильф пишет жене о Среднем Западе: «...уже начинаются какие-то **ковбои, которые гонят стада маленьких и красивых коровок**» [Ильф, Петров 2020: 454]. В травелоге эта картина дополнится некоторыми деталями, но в главном останется неизменной: «**Два ковбоя гнали стадо маленьких степных коровок, лохматых, как собаки**» [Ильф, Петров 2020: 179].

На следующий день Ильф снова пишет письмо домой: «Сегодня ехали через северную часть Техаса. **Здесь он называется Техас**» [Ильф, Петров 2020: 456]. Особенность американского произношения Ильф упоминает и в путевом очерке: «Это Техас! **Техас, как говорят американцы**» [Ильф, Петров 2020: 179].

В дневнике Ильф записывает эпизоды, которые в двадцать первой главе превратятся в подробные истории: разговор с хич-хайкером Робертсом, завтрак в поселке недалеко от Санта-Роза и «эксидент» с молодым мексиканцем. Однако свидетелем всех этих событий был и Петров, поэтому при атрибутировании этой главы мы в основном опирались на письма Ильфа.

Перейдем теперь к главе «Санта-Фе».

В письме Марии Николаевне Ильф описывает мексиканскую кухню: «Это вкусно, но так жжет, что **без пожарной каски на голове за стол садиться опасно**» [Ильф, Петров 2020: 482]. Ироничный оборот встречается потом в «Одноэтажной Америке»: «**Решительно, сесть за такой обед без пожарной каски — невозможно**» [Ильф, Петров 2020: 192–193].

В дневнике и в травелоге с незначительными изменениями передается и реплика патера в кафедральном соборе. «Фадер торопится обедать, но очень любезен. Вошел в церковь и вдруг преклонил коле-

но. <...> Я тоже коммунист, — сказал фадер, — но, конечно, не такой, как вы. Христос был больше, чем человек, поэтому он не делает всего, что думают люди. И мы не можем об этом рассуждать» [Ильф 452], — записывает Ильф в дневнике. В травелог слова патера перейдут в слегка измененном виде: «В кафедральный собор мы попали к часу дня, но патер был так любезен, что немножко отложил свой обед. Он отпер собор, быстро и ловко преклонил колена... <...> “Я тоже коммунист, — сказал он, — но, конечно, не такой, как вы. Христос был больше чем человек. Поэтому он поступает не так, как поступают люди. И мы не можем об этом рассуждать”» [Ильф, Петров 2020: 194–195].

В некоторых главах, написанных Ильфом, проявляется ранее отмеченная нами черта: эмоциональная окраска эпизодов при переносе их из дневника в травелог меняется на противоположную. Это особенно заметно при сопоставлении дневниковых записей от 24 ноября 1935 г. с главой «Встреча с индейцами».

В дневнике Ильф описывает знакомство с индейцем так: «Стоял индеец с косами, переплетенными зеленой и красной шерстью. Сначала я принял его за бабу. <...> Баба оказался Агапито Пино, о котором, **как о клоуне**, говорил Бинер. Он позвал нас к себе. <...> В доме, в маленьком камине, пылало одно полено. <...> Агапито пел, опять пел, **предложил фотографию, взял доллар и успокоился**» [Ильф 2000: 454].

Тот же эпизод в «Одноэтажной Америке» описан иначе: «Посреди площади стояла громадная баба. <...> Когда мы спросили у нее об индейце Агапито Пина, <...> то выяснилось, что баба эта и есть Агапито Пина. <...> Агапито Пина **оказался весельчаком и балагуром**. <...> Внезапно Агапито запел индейскую песню, притопывая в такт ногой. <...> На глиняном выступе лежали фотографии индейцев, исполняющих военные танцы. Запахло поборами, как в Неаполе или Помпеях. Однако, **закончив песни и пляски, Агапито Пина вовсе не стал кланяться**

денег, совсем не пытался всучить нам фотографию. Оказалось, что **он желал просто доставить удовольствие своим гостям** [Ильф, Петров 2020: 198].

Дневниковая запись говорит о явно отрицательном отношении ее автора к Агапито Пина, а в травелоге впечатление об индейце создается ровно противоположное.

В главе «Человек в красной рубашке» можно найти развернутое описание эпизодов, которые были кратко записаны Ильфом в дневнике в последние дни ноября. В «Одноэтажную Америку» переходит диалог миссионера с соседкой (при переносе трансформируясь в разговор миссионера со своей женой) и история владельца гостиницы.

Тезисная запись дневника снова разворачивается в длинный текст главы по принципу, описанному Г.А. Жиличевой.

Во время путешествия Ильф записывает список ключевые факты, числа и события: **«20 лет. <...> 5 лет назад** не было сообщ[ения] на 200–300 миль. Вложил **200 долларов.** Гостиница. **Оленьи головы, шкура леопарда.** Нью-Йоркский стандарт. **Пианино. <...> Индейские ковры**» [Ильф 2000: 457]. В путевом очерке записанные факты разворачиваются в последовательный нарратив: «...нас встретил седоватый ковбой, хозяин домика и газолиновой станции. Он приехал в пустыню из Техаса **двадцать** лет тому назад. <...> Нужно было вложить в эту землю **двести** долларов. Ковбой был тогда еще молодым человеком. Он завел скот, построил домик, женился. **Еще пять лет** тому назад от домика **было двести миль** до ближайшей дороги, можно было ездить только верхом. <...> В его бревенчатом домике горит большой камин, на стенах **висят оленьи головы, индейские ковры и шкура леопарда** <...> Есть **пианино**» [Ильф, Петров 2020: 239].

В четвертой части травелога, как уже было сказано, две главы («Капитан Икс» и «Четыре стандарта») были написаны соавторами вместе.

Ильф написал главы «Рекорд миссис Адамс» и «Сан-Франциско». Осталь-

ные главы, скорее всего, принадлежат Петрову.

Л.М. Яновская, однако, считала, что глава «Молитесь, взвешивайтесь и платите» принадлежит Ильфу. Мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть этот факт: ни в дневнике Ильфа, ни в письмах соавторов в СССР нет никаких указаний на события, описанные в этой главе.

Иначе дело обстоит с тридцатой и тридцать первой главами.

1 декабря Ильф делает краткую запись в дневнике: **«Заехали на пять минут в Секвойя-парк, выбрались только поздно ночью.** Снег, лед, ужас, луна, холод» [Ильф 2000: 461]. В главе «Рекорд миссис Адамс» она разворачивается в подробное описание Секвойя-парка, а ключевые детали, упомянутые в дневнике, служат как бы опорными точками главы, вокруг которых выстраивается нарратив: **«Мы думали, что заедем на пять минут, а уже прошло четыре часа»** [Ильф, Петров 2020: 269]; **«Между вершинами нависших над бездной елей показался очень большой червонный месяц.** Спуск по **обледеневшей** дороге совершался долго» [Ильф, Петров 2020: 272].

В главе «Сан-Франциско» мы сталкиваемся с интересным совпадением. В ней есть сходство с письмами как Ильфа, так и Петрова.

Валентина Леонтьевна получила от мужа такое письмо с описанием Сан-Франциско: **«Это откуда самый приятный из всех американских городов — он одновременно похож и на Неаполь, и на Одессу, и на Нью-Йорк»** [Ильф, Петров 2020: 464].

В травелоге читаем: **«Через минуту мы уже катили по улицам Сан-Франциско. Это самый красивый город в Соединенных Штатах Америки.** Вероятно, потому, что нисколько Америку не напоминает. <...> Все остальные части Сан-Франциско — **это чудесная приморская смесь Неаполя и Шанхая»** [Ильф, Петров 2020: 280].

Мария Николаевна тоже получила письмо из Сан-Франциско. Ильф писал

об инженерах, построивших дорогу Линкольна, что «в области техники это **удивительно скромные люди**» [Ильф, Петров 2020: 465]. В «Одноэтажную Америку» эта фраза перешла почти без изменений: «Американские **техники — люди удивительной скромности**» [Ильф, Петров 2020: 282].

Мы, однако, склонны считать, что автором главы «Сан-Франциско» всё же был Ильф.

Соавторы вполне могли обменяться впечатлениями о Сан-Франциско, и Ильф мог включить в главу сравнение города с Неаполем (к тому же, в травелоге цитата из письма Петрова — неточная: если бы автором был Петров, он бы, вероятно, упомянул вместо Шанхая Одессу и/или Нью-Йорк). Что касается слов Ильфа об американских техниках, они вряд ли могли быть известны Петрову.

На автора главы может косвенно указывать еще одна деталь.

Петров в письме к жене пишет, что из окна его комнаты в Сан-Франциско виден океан, «виден пароход. Виден **знаменитый** островок со **знаменитой** тюрьмой, в которой сидит **знаменитый** бандит Аль Капоне» [Ильф, Петров 2020: 461].

В травелоге описывается «знаменитая тюрьма», но без характерного повторения эпитета: «Посреди бухты, на острове Алькатрас, похожем издали на старинный броненосец, можно рассмотреть здание федеральной тюрьмы для особо важных преступников. В ней сидит Аль Капоне, знаменитый главарь бандитской организации» [Ильф, Петров 2020: 281].

В дневнике Ильфа тюрьма не упоминается в принципе. Но нам представляется, что, если бы автором главы был Петров, он воспользовался бы возможностью и перенес ряд повторяющихся эпитетов из письма в травелог.

В главе «Четыре стандарта» есть намек на то, что Петров использовал этот прием:

«Сейчас утро, и я еще не выходил из **гостиницы “Холливуд”, что на Холливудской улице**» [Ильф, Петров 2020: 467], — пишет Петров жене;

«...остановились мы, по странному стечению обстоятельств, **на бульваре Голливуд, в отеле “Голливуд”**, помещавшемся в городе Голливуде» [Ильф, Петров 2020: 319], — читаем в путевых очерках.

Интересно, что Ильф тоже упоминает это совпадение в письме Марии Николаевне. Но относится он к нему не так, как Петров. «Живу на бульваре Голливуд, и отель тоже называется “Голливуд”. **Даже немножко противно, но так вышло**» [Ильф, Петров 2020: 468].

На наш взгляд, Петров, в отличие от Ильфа, относился к этому обстоятельству с иронией — и его ироническая интонация перешла из письма в травелог.

Поскольку глава «Четыре стандарта» была написана совместно, мы предполагаем, что за этот прием в писательском тандеме «отвечал» Петров. Отсутствие этого приема может косвенно подтверждать, что глава «Сан-Франциско», скорее всего, принадлежит Ильфу.

Остальные главы четвертой части (за исключением глав «Капитан Икс» и «Четыре стандарта», которые были атрибутированы выше), скорее всего, принадлежат Петрову. В дневнике Ильфа события, описанные в них, упоминаются очень кратко, никаких характерных совпадений травелога с дневником или письмами Марии Николаевне нам найти не удалось.

В заключительной части книги главы распределяются следующим образом. Главы «По старой испанской тропе», «День в Мексике» и «Прощай, Америка!» написана в основном Ильфом, над главой «Беспокойная жизнь» соавторы работали вместе. Остальные главы, скорее всего, принадлежат Петрову.

Само название сороковой главы — «По старой испанской тропе» — взято из письма Ильфа к Марии Николаевне: «Сегодня мы целый день ехали вдоль мексиканской границы, **по старой испанской тропе**» [Ильф, Петров 2020: 484].

Встречаются в главе и другие цитаты из писем Ильфа к жене. Например, очень интересным нам показалось сравнение кактусов с людьми: «Одни из них молились,

другие обнимались, третьи нянчили детей, а некоторые просто стояли в горделивом спокойствии» [Ильф, Петров 2020: 480]. Видимо, Ильфу нравилось это сравнение, потому что в «Одноэтажной Америке» читаем: «Одни кактусы молятся, воздев руки к небу, другие обнимаются, третьи нянчат детей. А некоторые просто стоят в горделивом спокойствии» [Ильф, Петров 2020: 354].

Из его дневника в «Одноэтажную Америку» переходит и описание Эль-Сентро. «Утром Эль-Сентро оказался грязным городом с побитыми тротуарами. Мрачный центр эксплуатации и сволочности» [Ильф 2000: 466], — заключает Ильф в дневнике. В травелог описание переходит почти дословно, Ильф только чуть-чуть смягчает его: «Эль-Сентро с его разбитыми тротуарами и кирпичными арками, Эль-Сентро, мрачный город эксплуатации и большого бизнеса...» [Ильф, Петров 2020: 354].

Путешествие по Мексике Ильф довольно подробно описывает в письме Марии Николаевне. Многие наблюдения он переносит из письма в главу «День в Мексике». Например, описание городской улицы.

Письмо Марии Николаевне: «Пахнет жареной едой, чесноком, ходят босяковатые смуглые молодые люди с гитарами, калеки просят милостыню, двести тысяч микроскопических мальчиков бегают с щетками и ящичками для чистки ботинок» [Ильф, Петров 2020: 482]. «Одноэтажная Америка»: «Здесь пахло жареной едой, пригоревшим маслом, чесноком <...> Проходили молодые люди с гитарами. <...> Калеки громко вымаливали милостыню. <...> Сотни крошечных мальчиков бегали со щетками и ящичками для чистки ботинок» [Ильф, Петров 2020: 362].

Примерно то же можно сказать об описании боя быков. В дневнике Ильф оставляет короткую запись: «Мы обедаем и идем на бой быков. 4 быка» [Ильф 2000: 467]. В то время как Мария Николаевна могла в подробностях представить арену

и сам бой: «Очень красивый и очень грубо построенный круглый цирк без крыши. Какое-то народное по характеру здание. Хорошие люди сидели на цементных сиденьях. Тем, которые боялись простудиться, продавали за десять центов матрачные подушечки» [Ильф, Петров 2020: 482].

В травелог описание будет дополнено деталями, но в главном — сохранится: «Арена была окружена амфитеатром без крыши, очень красивым и грубо построенным. Здание было по характеру народным, простым, совершенно лишенным украшений. Зрителям, которые боялись простудиться на цементных сиденьях, давали напрокат плоские соломенные подушечки в полосатых наперниках» [Ильф, Петров 2020: 363].

Главы середины пятой части принадлежат в основном Петрову. В дневнике Ильфа есть несколько записей о событиях начала января 1936 г., но характерных совпадений дневника или писем к жене с травелогом нам обнаружить не удалось.

Наконец, в последней главе путевых очерков — «Прощай, Америка!» — встречается отрывок из письма Ильфа к Марии Николаевне, причем отрывок, очень характерный для Ильфа, — печальный и задумчивый: «Сейчас в Нью-Йорке красиво. Свежо, ветер дует, солнце. Только весь день впечатление, что закат. Дома такие высокие, что солнечный свет только наверху. И уже с утра закат. Наверное, от этого грустно» [Ильф, Петров 2020: 494], — писал Ильф жене.

Читая «Одноэтажную Америку», Мария Николаевна наверняка узнала этот пейзаж: «В Нью-Йорке было свежо, дул ветер, светило солнце. <...> Но почему становится грустно в этом великом городе? Дома так высоки, что солнечный свет лежит только на верхних этажах. И весь день не покидает впечатление, что солнце закатывается. Уже с утра закат. Наверное, от этого так грустно в Нью-Йорке» [Ильф, Петров 2020: 410].

Лирическое настроение проходит через всю главу, сохраняясь буквально до последнего предложения травелога:

«Холодный январский ветер гнал крупную океанскую волну» [Ильф, Петров 2020: 416]. Так заканчивается очерк о путешествии Ильфа и Петрова по США — их последняя совместная книга.

В «Одноэтажной Америке» есть несколько глав, авторство которых нам определить не удалось. В главах «Большая нью-йоркская арена», «Грэнд-кэньон», «На гребне плотины», «Новый год в

Сан-Антонио» и «Мы выезжаем в Южные штаты» нет ни совпадений с дневником или письмами, ни особых оборотов, которые были бы характерны для кого-либо из авторов.

Предпринятая попытка распределить главы между соавторами стала еще одним подтверждением цельности «Одноэтажной Америки» и нераздельности автора Ильфпетрова.

Литература

1. Воспоминания об И. Ильфе и Е. Петрове. / Сост. Г. Мунблит, А. Раскин. М.: Советский писатель, 1963. 336 с.
2. Жиличева Г.А. Нарративные особенности травелогов И. Ильфа и Евг. Петрова // Новый филологический вестник. М.: Институт филологии и истории РГГУ, 2018. №2 (45). С. 27–38.
3. Ильф И. Записные книжки. М.: Текст, 2021. 413 с.
4. Ильф И. Записные книжки: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. 607 с.
5. Ильф И., Петров Е. Одноэтажная Америка. Письма из Америки. М.: Текст, 2020. 511 с.
6. Яновская Л.М. Почему вы пишете смешно? М.: Наука, 1969. 216 с.

“One-storied America” by Ilfpetrov — two handwritings of one author

Mamysheva Polina,
Saint-Petersburg State University
E-mail: p.a.mamysheva@gmail.com

The article attributes the chapters of I. Ilf and E. Petrov’s “One-storied America”. 20 chapters of the book wrote Ilf, 20 — Petrov and 7 were written by the authors jointly. Until now it has remained unclear which chapter belongs to which writer and what was written together. The travelogue is compared with Ilf’s “American” diaries and letters which both of them were sending from the USA to the USSR. Analysis of their style and content allows to determine the authorship of most chapters and clarify the attribution suggested by L.M. Yanovskaya.

Key words: Ilf and Petrov, “One-storied America”, travelogue, diary, textology.

Приложение.

В таблице указано авторство всех глав травелога, атрибутированных нами и Л.М. Яновской. Полу жирным выделены главы, в атрибутировании которых у нас возникли расхождения с Яновской.

Глава	Автор
«Нормандия»	Ильф и Петров
Первый вечер в Нью-Йорке	Ильф и Петров
Что можно увидеть из окна гостиницы	Петров
Аппетит уходит во время еды	Петров
Мы ищем ангела без крыльев	Ильф
Папа энд мама	Петров
Электрический стул	Ильф
Большая нью-йоркская арена	Авторство определить не удалось
Мы покупаем автомобиль и уезжаем	Петров
На автомобильной дороге	Ильф
Маленький город	Ильф
Большой маленький город	Ильф и Петров
Электрический домик мистера Рипли	Ильф
Америку нельзя застать врасплох	Петров
Дирборн	Ильф
Генри Форд	Ильф
Страшный город Чикаго	Петров
Лучшие в мире музыканты	Петров
На родине Марка Твена	Петров
Солдат морской пехоты	Ильф
Робертс и его жена	Ильф
Санта-Фе	Ильф

Встреча с индейцами	Ильф
День несчастий	Ильф
Пустыня	Петров
Грэнд-кэньон	Авторство определить не удалось
Человек в красной рубашке	Ильф
Юный баптист	Петров
На гребне плотины	Авторство определить не удалось
Рекорд миссис Адамс	Ильф
Сан-Франциско	Ильф
Американский футбол	Петров
«Русская горка»	Петров
Капитан Икс	Ильф и Петров
Четыре стандарта	Ильф и Петров
Бог халтуры	Петров
Голливудские крепостные	Петров
Молитесь, взвешивайтесь и платите!	Предположительно Ильф
Божья страна	Петров
По старой испанской тропе	Ильф
День в Мексике	Ильф
Новый год в Сан-Антонио	Авторство определить не удалось
Мы выезжаем в Южные штаты	Авторство определить не удалось
Негры	Петров
Американская демократия	Ильф и Петров
Беспокойная жизнь	Ильф и Петров
Прощай, Америка!	Ильф